

Лермонтовский текст в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли элементов лермонтовского текста в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». На основе анализа цитат, реминисценций из произведений М.Ю. Лермонтова, восприятия главным героем романа образа великого поэта, его судьбы и творчества делается вывод о значимости интертекстуальных связей, межсубъектной интертекстуальности в романе, а также об общности ряда философских и экзистенциальных проблем и мотивов в творчестве М.Ю. Лермонтова и И.А. Бунина.

Ключевые слова: текст, М.Ю. Лермонтов, И.А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», интертекстуальность, реминисценция, аллюзия, архетипический образ, мотив.

Текст романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», наполненный духом отечественной культуры, обнаруживает обширные интертекстуальные связи [7: 67]. Особую роль в произведении играет лермонтовский текст: образ Лермонтова, его жизнь, судьба и творчество выступают в романе явлениями семиотического характера.

Лермонтовская тема начинает звучать уже в заглавии бунинского романа, включающем в себя имя собственное, которое в силу огромной символической насыщенности в художественном тексте трактуется современным литературоведением как «король означающих» (Р. Барт), как «знак героя» (Ю.Н. Тынянов).

Что же несет в себе фамилия главного героя в бунинском романе? Прежде всего, обратим внимание на отсутствие социального кода в заглавии, в отличие, например, от рассказа Бунина «Господин из Сан-Франциско», где данный код вынесен в заглавие текста и актуализирует в произведении социальную проблематику. В контексте всего романа фамилия главного героя – Арсеньев – рождает ассоциативную связь с родом М.Ю. Лермонтова по материнской линии, с фамилией бабушки поэта, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, приобретая характер «знака героя».

Однако связь с темой «Лермонтов» в романе Бунина не ограничивается ассоциациями метатекстуального характера. Описывая историю собственной жизни, главный герой романа особо выделяет влияние, оказанное на него русской классикой. «К числу «самого важного, из чего образовался жизненный состав» Арсеньева, сам он относил русскую литературу» [7: 67]. Чувствуя в себе пробуждение дара слова, Арсеньев, по его признанию, «ощущал свою кровную принадлежность к литературе», к миру Жуковского, Баратынского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, портреты которых украшали стены родного дома героя. С тех самых пор, как только узнал о них, на их портреты смотрел как на фамильные» [1: 82] – признавался Арсеньев

Действительно, роман Бунина насыщен цитатами из произведений русской классической литературы, начиная с древнерусской и заканчивая литературой рубежа XIX-XX веков: в романский текст включены строки из «Слова о полку Игореве», из произведений Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Грибоедова, Гоголя, Никитина, Фета, Толстого. Восприятие Арсеньевым художественных миров русских поэтов, писателей

способствует воссозданию картины души героя. В ряде случаев цитирование мотивировано душевным состоянием главного героя. Так, например, лирика Фета помогает выразить драматизм отношений Арсеньева и Лики. Цитаты из произведений русской литературы дают возможность лучше понять психологический строй личности героя, его духовный мир, жизненные устремления, искания. Пушкин для героя являет собой идеал гармонического мироощущения, несущего в себе полноту и счастье жизни, ее радостного приятия в единстве светлого и темного, радостного и печального.

Лермонтов же более всего созвучен чувству томления, тоски, романтическим мечтам Арсеньева о чем-то далеком, прекрасном, невыразимом, выявляя особенности душевного склада героя и экзистенциальный характер его исканий. Арсеньев как начинающий поэт был особенно увлечен романтической поэзией Лермонтова и его романтическим образом [9, 10, 11]. Отметим: так в юности был увлечен Лермонтовым и сам автор романа. В автобиографических материалах Бунин неоднократно писал о своем восхищении Лермонтовым, его творениями. Знаменателен тот факт, что в планах Бунина было создание статьи о Лермонтове для готовящегося к печати в 1913 году полного собрания сочинений поэта; а в начале 30-х годов Бунин собирался писать «романсированную биографию» Лермонтова.

Наряду с множеством аллюзий и реминисценций, Бунин вводит в текст романа прямую цитату из Лермонтова, которая выделяет в его поэзии то главное, что соответствует движениям души Арсеньева, помогает созданию ее образа, формируя метатекстовый план повествования:

Немая степь синее, и кольцом
Серебряным Кавказ ее объемлет,
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет.
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимаю.
А море черное шумит, не умолкая...

«Какой дивной юношеской тоске о далеких странствиях, какой страстной мечте о далеком и прекрасном и какому заветному душевному звуку отвечали эти строки, пробуждая, образуя мою душу!» [1: 109], – признавался Арсеньев. Приведенный лермонтовский текст и комментарий героя к нему актуализируют целый комплекс важнейших мотивов и «сквозных» пространственных образов романа Бунина. Прежде всего, это даль, степь – образы открытого пространства, зовущего в путь, в странствие, а также мотивы томления по чему-то неопределенному, но заветному и необходимому.

Мотивы дороги, странничества («рассказы волн кочующих») и тоски по идеальному, важнейшие в творчестве Лермонтова, по ходу повествования предстают в «Жизни Арсеньева» сюжетобразующими для описания героем собственной жизни, выводя на первый план поиск высшего смысла, загадок человеческого бытия: «Грустит ли в тишине, в глуши какой-нибудь сурок, жаворонок? Нет, они ни о чем не спрашивают, ничему не дивятся, не чувствуют той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее, не знают ни зова пространства, ни бега времени. А я уже и тогда знал все это. Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и чему...» [1: 9].

Во второй части лермонтовской цитаты возникает образ моря – древнейший архетипический образ. В мифопоэтической традиции море как образ большой воды – один из способов представления души человека, ее глубин. Такую знаковую природу водной стихии выделял К.Г. Юнг [12]. Море в лермонтовских строчках – это возможность встречи героя с собственным бессознательным, а значит, свидетельство стремления Арсеньева к пониманию себя, глубин своей души. Кавказ-великан, внимающий рассказам «волн кочующих», выступает знаком одинокой души Арсеньева,

взирающего на свою жизнь и погруженного в ее осмысление. Таким образом, образы лермонтовского стихотворения актуализируют мотивы самосознания в бунинском романе.

Образ Лермонтова как знаковой фигуры романа связан также с развитием тем судьбы и творчества. В один из поворотных моментов жизни, когда Арсеньев мечтает изменить ее привычный ход, он приезжает в Кроптовку – заброшенное имение Лермонтовых. Жизнь и судьба Лермонтова, его творения восхищают юного поэта Арсеньева, чувствующего в себе пробуждение творческого дара, ищущего свой путь в жизни и размышляющего о своем предназначении: «Я опять вспомнил бессмысленность и своей собственной жизни <...>, вдруг вспомнив вместе с тем Лермонтова. Да, вот Кроптовка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно-грустных и неизъяснимых чувств... Вот бедная колыбель его, наша общая с ним, вот его начальные дни, когда так же смутно, как и у меня некогда, томилась его младенческая душа, «желанием чудным полна», и первые стихи, столь же, как и мои, беспомощные... А потом что? А потом вдруг «Демон», «Мцыри», «Тамань», «Парус», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой...». Как связать с этой Кроптовкой все то, что есть Лермонтов? Я подумал: что такое Лермонтов? – и увидел сперва два тома его сочинений, увидел его портрет, странное молодое лицо с неподвижными тёмными глазами, потом стал видеть стихотворение за стихотворением, и не только внешнюю форму их, но и картины, с ними связанные, то есть то, что и казалось мне земными днями Лермонтова: снежную вершину Казбека, Дарьяльское ущелье, ту, неведомую мне, светлую долину Грузии, где шумят, "обнявшись, точно две сестры, струи Арагвы и Куры", облачную ночь и хижину в Тамани, дымную морскую синеву, в которой чуть белеет вдали парус, молодую ярко-зелёную чинару у какого-то уже совсем сказочного Чёрного моря...» [1: 136]. Характерно, что Арсеньев прежде всего вспоминает кавказские романтические произведения Лермонтова, что также свидетельствует о романтическом мироощущении героя.

Значительность сюжетной ситуации подчеркнута художественным пространством: раздумья приходят Арсеньеву в дороге, а топос дороги связан в романе с реализацией темы жизненного пути. «Какая жизнь, какая судьба!», – с восхищением восклицает герой. «Всего двадцать семь лет, но каких бесконечно богатых и прекрасных, вплоть до самого последнего дня, до того темного вечера на глухой дороге у подошвы Машука, когда, как из пушки, грянул из огромного старинного пистолета выстрел какого-то Мартынова и «Лермонтов упал, как будто подкошенный...». Я подумал все это с такой остротой чувств и воображения, и у меня вдруг занялось сердце таким восторгом и завистью, что я даже вслух сказал себе, что довольно наконец с меня Батурина!» [1: 136].

Знаковым интертекстуальным образом, напоминающим об авторе «Героя нашего времени» в романе «Жизнь Арсеньева», на наш взгляд, является «толстая тетрадь», в которой Арсеньев решает начать писать, чтобы рассказать «повесть о самом себе» [1: 203], воплотить еще не определившийся, но уже не дающий покоя замысел: выразить «свое, личное»: «напряженный разбор того, что есть во мне, выискивание внутри себя чего-то такого, что вот-вот, казалось, определится, во что-то образуется...<...> Что ж, думал я, может быть, просто начать повесть о самом себе? Но как?» [1: 203]. «Я сходил в писчебумажный магазин, купил толстую тетрадь в чёрной клеёнке. <...> И, обмакнув перо, старательно и чётко вывел: "Алексей Арсеньев. Записи"» [1: 207]. «Толстая тетрадь» для рассказа о самом себе вызывает в памяти «толстую тетрадь» из романа Лермонтова «Герой нашего времени». В «Предисловии» к «Журналу Печорина» автор сообщает, что в романе «поместил только то, что относилось к пребыванию Печорина на Кавказе. В моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою» [8: 242].

Эпиграфом к роману И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» с полным правом можно было бы поставить лермонтовские строки из предисловия к «Журналу Печорина» в романе «Герой нашего времени»: «История души человеческой <...> едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление...» [8: 244]. Бунинский роман – не столько повествование о земных делах человека, сколько история души, рассказанная главным героем, прошедшим большую часть жизненного пути и, действительно, явившаяся «следствием наблюдений ума зрелого над самим собой» [8: 244]. Так, лермонтовская тема рождает диалог двух текстов разных эпох, поднимая в них темы самопознания, самоосознания и поиска того вечного в себе и в мире, без чего невозможно развитие человечества и сохранение культуры.

Неоднократные обращения Арсеньева к образу М.Ю. Лермонтова, его творчеству порождают межтекстовые отношения и «межсубъектную интертекстуальность» [2, 3, 4, 5, 6], проявляющую писательские предпочтения, уточняющую и углубляющую анализ текста бунинского романа.

Исследование лермонтовского текста в романе «Жизнь Арсеньева» позволяет говорить о том влиянии, которое оказал Лермонтов и на Бунина, и на созданного им главного героя романа. Образ Лермонтова, его судьба и творчество дают возможность глубже понять личность героя, его духовный мир, жизненные устремления, искания. Связь лермонтовской темы с темой судьбы, с мотивами поиска Арсеньевым высшего смысла бытия и своего предназначения в жизни обостряет в романе Бунина «Жизнь Арсеньева» философские и экзистенциальные проблемы, глубоко волновавшие автора «Героя нашего времени».

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1987.
2. Витковская Л.В. Когниция и образ автора в интерпретации смысла. Литературоведение XXI века. Москва, 2016.
3. Витковская Л.В., Головченко И.Ф. Кавказ–Лермонтов–Булгаков: проблемы интертекстуального дискурса // Михаил Булгаков, его время и мы. Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего. Krakow, 2012. С. 241-254.
4. Витковская Л.В., Головченко И.Ф. Шекспир и Лермонтов: межсубъектная интертекстуальность // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. Гранада, 2015. С. 123-128.
5. Витковская Л.В., Погорелова И.Ю. Лермонтовский текст в интерпретации поэтов-концептуалистов // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. № 1(8). С. 114-120.
6. Ковалева Т.Н. О литературном диалоге-споре Брюсова и Бунина // Брюсовские чтения на Кавминводах–2008. Материалы международной научной конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С.203-212.
7. Ковалева Т.Н. Роль цитат из произведений русской литературы в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Университетские чтения – 2017. Пятигорск: ПГУ, 2017. Часть VI. С.67–78.
8. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4 т. Т.4. М: Художественная литература, 1969.
9. Мурнаева Л.И. Инвариантность концептосферы русской и адыгской литературы («Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтова и «В ожидании смысла» А. Макоева) // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск:Изд-во ПГЛУ, №1(13), 2014. С 200-207.

10. Мурнаева Л.И. Лермонтов – Кавказ: система кавказских традиций, символов, типов, образов // Русский язык и межкультурная коммуникация. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. № 1 (12). С. 77-88.
11. Мурнаева Л.И. Образ автора и интертекстуальность в северокавказской литературе в эпоху глобализации // Год литературы: Этноментальные ориентиры научных поисков в кросс-культурном пространстве XXI века. Махачкала: Изд-во ДГПУ, № 5/2015. С. 198-202.
12. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Молодая гвардия, 1991.